

Николай ВОРОНОВ

Истина о самом себе

> О подмосковном Переделкине, Магнитке, Калуге, Оптиной пустыни, Москве и о тех, кто был оклеветан

Окончание. Начало в № 55, 58, 61, 63, 66, 69, 72, 75, 78, 81, 84, 89, 92, 96, 99, 104, 108, 113, 117, 125, 134, 137, 140, 145, 148, 151, 154, 157, 160, 164, 166 (2010 г.), 7, 10, 13, 16, 19, 21, 24, 27, 30... 77, 80, 83, 87, 90, 93, 96, 99, 102, 105, 108

Смею заявить с убеждением не впасть в ошибочность: «Новый мир» удерживал от разгона не только Александр Твардовский, общенародно знаменитый снайперской мудрости и смелости (это он выдал правителю страны Никите Хрущеву сногшибательное выражение Салтыкова-Щедрина: «Когда много ловчих, мало певчих»). Поддерживал журнал «Новый мир» Константин Федин: будучи председателем СП СССР, он состоял в редколлегии «Нового мира», а также Георгий Марков, первый секретарь, а позже – председатель, избравшийся в высшие органы партии и государства.

Георгий Макеевич был противником репрессивных мер по отношению к литературной печати, к писателям, и потому всячески стремился сохранить Тардовский «Новый мир», ибо смолоду, занимая заглавные посты в сибирских газетах, подвергался снятиям, чисткам, и вынужден был скрываться от арестов в Советской Армии (!), в родной деревне, в таежных охотничьих угодьях отца, на съемных городских квартирах жены – Агнии Кузнецовой, раньше мужа вышедшей на писательскую стезю. Благодаря Ольге Георгиевне, старшей дочери Маркова, мне удалось прочесть его автобиографические записки, и теперь я ведаю о том, где в романах Георгия Макеевича нашла воплощение и его собственная судьба, и судьбы родственников. «Строговы», написанные в подполье и, к счастью, спасенные, помогли Маркову выйти из подполья с помощью издательских рецензий Исаака Бабеля и Петра Павленки.

Передал Марков много из того, как прятался сам в охотничьей землянке отца, революционеру Акимову из романа «Сибирь»:

«Дверь землянки выходила прямо на Курью. Четыре шага вниз – и вот она, вода, а слева и справа желтые заросли осоки, осыпи синеватой глины.

[...] Над нарами и столом висели на веревках, протянутых из угла в угол, подвяленные язи, на железной печке стояли чугунок и медный чайник. У двери на полочке – кружка, банка с солью и полковриги черного хлеба. [...] В чайнике под самую крышку – крутой навар чаги со смородиновым листом. Пил с удовольствием, крупными глотками. Выпил целую кружку, поманило еще. [...] Курья от берега была забита туманом, в сумраке похожим на сугробы снега».

Вещая достоверность сопровождается психологической достоверностью, проложенной через весь роман и доступной для чтения множественному миру разнообразных читателей. Достоверность сочеталась у Георгия Маркова с доступностью, являющейся солнечным континентом изобразительности.

Ткаченко, рьяный уничижитель Георгия Маркова, осуждает, изустно, прозаика Эдуарда Шима за сценарии по романам Маркова, и якобы Шим, отвечая, ссылается на безотказную надежность заработка, и на то, что большой писатель из него

не получится. Разговор меж ними наверняка не был столь сирым для Шима, обладающего достоинством и гордостью. Я уверен, что Шим ссылался на кинематографичность произведений Георгия Маркова, истинную кинематографичность. И когда Шим назвал Маркова писателем значительным, А. С. Т. мигом прибегнул к спекулятивно-нищенскому политиканству: «Мы были на разных общественных уровнях, в разных социальных иерархиях», как будто Эдуард Шим печатался больше него в издательствах и журналах, был секретарем Большого Союза и, по крайней мере, входил в Ревизионную комиссию ЦК КПСС.

В своей рукописной книге об Александре Твардовском, его соратниках по «Новому миру», о писателях и людях другого толка того

периода ну и той эпохи вообще, включая зарубежье, я масштабно изложил долю Георгия Маркова, прозаика, литературного и общественного деятеля, и потому отсылаю будущих читателей к ней, поименованной так: «Где спасается совесть?»

А покамест, оценивая творчество Георгия Маркова, приведу цитаты, их смысл я разделяю, из статьи «Марков» биографического словаря «Русские писатели XX века»: «Ист. ром. «Строговы» – очень сложное и неоднородное произв. по своему жанровому составу. Специфика жанровой структуры в свою очередь обуславливает особенности сюжета и композиции. Здесь эпически широко разворачиваются картины нар. жизни. Автор повествует о судьбах сибирского крестьянства в сложный для страны ист. период войны и революции. [...] Повествуя о судьбе семьи Строговых, писатель глубоко проникает в скрытые механизмы жизни и истории, проявляя себя не просто талантливым бытописателем, художником, но и мыслителем»; В 1949–59 г.г. Марков создает ром. «Соль Земли». [...] В остром конфликте Краюхина с властью на стороне героя люди из народа. В то же время этот центральный конфликт романа разворачивается и в др. аспекте, характерном для мировоззрения 60-х. С одной стороны, это столкновение людей, умеющих мечтать, неподвластных установившимся догмам, с теми, кто боится нового, довольствуясь решением сиюминутных задач; с другой – общественно-психологический конфликт, вбирающий в себя такие проблемы, как доверие и уважение к человеку, к личности, ее чувствам, мыслям и идеям, эти проблемы были тогда вновь и воспринимались современниками как «крамольные».

Все это и теперь не устарело, напротив – усугубилось, ожесточилось, хаотизировалось, тайнизировалось, и для своего разрешения потребует громадных, немилосердных, самопожертвенных усилий всех народов России в сферах культуры, права и

КОллаж > МАРИНА НИКОЛАЕВА

В романах Георгия Маркова нашла воплощение и его собственная судьба

силовых организаций экономики, этики, сознания и футурологии.

Я устал с дотошной доказательностью опровергать ненасытное, яростное пасквильянство Анатолия

Ткаченко. Продолжу этот труд правды и чести после завершения ранее начатого духовно-непоколебимого труда «Где спасается совесть?»

Переделкино, 15 августа 2005 года

Песня легендарной Магнитки

В Магнитке ребята

с походкой крылатой –
талантами город богат...

От первой палатки с киркой и лопатой
построили наш комбинат.

В багровые годы

войны всенародной

мы делали лист броневой,

чтоб наша страна оставалась свободной
и мы оставались с тобой.

Сегодня Магнитка –

вся в огненных слитках
металла, что людям не жалъ...

В конвертерах сталь только варится жидкой,
но это – сверхпрочная сталь.

В багровые годы

войны всенародной

мы делали лист броневой,

чтоб наша страна оставалась свободной
и мы оставались с тобой.

Солдат и Рабочий

стоят – дни и ночи –

над самой спокойной рекой...

Магнитка и подвиги – близкие очень
твоей создаются рукой!

Балада о маленькой войне

Мое

оружье – мужество
и самый верный щит,
пока планета кружится
и вроде не трещит.

Мне прочно

вбили в голову:
за мир борьба идет,
но вот остались голыми,
врагов не впроворот.

И никому не хочется
костями в землю лечь –
есть светлые пророчества
и жгущая картечь.

Стреляют

в спину первыми
и кажут кукиш мне –
мы стали слабонервными
на маленькой войне.

И никуда не денешься:

кругом войны оскал,
повсюду любят денежки,
легко снимая скальп.

Долой

разоружение...

С отвагою – вперед,
попавший в окружение
обманутый народ!

Вячеслав ГУТНИКОВ

> Когда много ловчих, мало певчих. Михаил Салтыков-Щедрин